

Ярослав Серетин
фото Алексея Нагаева

ХУДОЖНИК

ПО МЕТАЛЛУ

В живописном уголке Тульской губернии, деревне Бехово, что по соседству с музеем-усадьбой Поленово, живет художник. Художник по металлу. Ученик знаменитого Басова. Варит дамаск, куёт реплики исторического оружия, доспехов, при этом стараясь даже в мелочах не отходить от старинных технологий, интересуется историей оружия и его создания, но... прежде всего – живет. Может, это прозвучит несколько наивно, но живет, на мой взгляд, именно полной жизнью вдали от городской суеты. В его доме царит спокойствие и уверенность в правильности происходящего. Но отвлечемся от лирики. Знакомьтесь – праправнук знаменитого тульского мастера Тычки Николай Фирстов.

Казалось бы, чуть больше часа езды от первопрестольной, но попадаешь абсолютно в другой мир – на лицах местных жителей незаметно никаких следов «деловой озабоченности», и даже мальчуган, у которого мы спросили дорогу к дому кузнеца, не послал нас блуждать по местным закоулкам, а просто и без затей указал кратчайший путь. Быть может, это покажется невероятно, но все люди, с которыми мне пришлось там пообщаться, без исключения приветливы и наполнены каким-то особенным спокойствием и неторопливостью. (Справедливости ради замечу, что официантку придорожного кафе эта величественная неторопливость как-то не очень украшала.) На этом фоне даже неизменно доблестные сотрудники ГИБДД выглядят несколько более доброжелательно – возможно, и на них красота мест, где художник писал свои бессмертные полотна, оказывает свое благотворное действие. Что же говорить о художнике-кузнеце, живущем среди такой благодати? Похоже, он нашел свое место для жизни и творчества.

Вопрос о том, как мастера увлекло кузнечное дело, в данном случае просто неуместен – Николай не помнит себя без кузни и говорит, что пошел в нее, как только научился ходить. Учился в ПТУ по профилю, да и потом, после его окончания, еще долго на выходные ездил в гости к Басову – учиться.

Выучился; первым, как он говорит, привез в Тулу возрожденный секрет дамаска, брал призы за свои изделия на разных, в том числе и международных, выставках, и вдруг... бросил все и уехал в деревню, в глушь, в Бехово. Но – слово самому мастеру.

– Я уехал сюда, и мне здесь нравится. С детства мечтал построить дом в деревне. Построил. Сам. Только крышу помогли покрыть. Так и живу. Здесь, что самое интересное, даже люди раскрываются по-другому. Взять любого человека, привезти сюда; один вечер – и его уже совсем по-другому воспринимаешь. Здесь унылые становятся светлей как-то. Не знаю, что-то такое есть. Заколдованное место. Деревья, воздух. На зиму

все уезжают, остаются только две-три бабки да я. Снежное безмолвие. Почти как у Джека Лондона – надеешься только на себя, собаку и машину. До асфальта всего сто метров, но снегом засыплет так, что и не доберешься; остается лопату в руки – и вперед. В этом ничего страшного нет, я считаю.

Я думаю, жизнь надо строить так, чтобы получалась цельная картина – семья, друзья, работа. А чего хочу от жизни – это только возможности работать дальше. Делать что-то новое, и неважно, лучше или хуже кого-то, просто делать это хорошо, настолько хорошо, насколько сможешь. Помому, в этом весь смысл. Я люблю работу. И никогда не работаю только с одним заказом. Вот сейчас делаю четыре вещи – две по заказу, две для себя. Стараюсь делать только то, что нравится. Когда начинаешь делать то, чего не хочешь, даже любимая работа превращается в каторгу. Ну и, конечно, учиться тому, что еще не умею.

– А учиться многому пришлось?

– Многому. Мастер должен все делать сам – от начала и до конца воплощать задуманное. Быть универсалом – и художником, и кузнецом, и резчиком... иначе винегрет получается. Поэтому учиться пришлось многому. В школе я по-другому к этому относился, и самым любимым звуком для меня был звонок – все, конец урока... Казалось, зачем все это надо. Потом вдруг наступила переоценка ценностей – тебя же этому всему учили, и назад, к Тамаре Ивановне... Простудировать пришлось много, но мне помогали хорошие люди. Особенно Басов. Насколько интересный человек. Чем я горжусь в жизни – так это людьми, которые меня окружают.

– В средние века кузнецов часто считали колдунами. Как думаете, была в этом хоть какая-то доля истины?

– Это можно объяснить отчасти, опять же только отчасти, тем, что кузнецы жили отдельной кастой, и незнающие люди не могли воспринимать природу изготовления вещи. То, что делали кузнецы, для них казалось колдовством, пахло мистикой. Наверное, в этом есть доля правды, что-то шло от незнания, а что-то и от мастерства, скорее всего. Могли быть десять кузнецов, но кто-

«Белевский»
нож мастера

«Фирстовский» вариант русского засапожного ножа. Фрагмент рисунка «дикого» дамаска (внизу)

то один мог делать что-то лучше всего. Как сейчас, все кричат «мы дамаск, булат куем», но с Басовым никто не сравнился и не сравнится. Нет, сравнится кто-то когда-то, бог даст.

– Как вы относитесь к украшенному оружию?

– В магазинах сейчас столько лежит ножей – американские, испанские – красота, да и только. А мне любоваться особо незачем, главное – надежность. Естественно, свои изделия выдерживаю в духе времени. Ну как можно делать «средневековый» меч, украшая его техникой, которой тогда не существовало?

Ножи я максимум украшаю резьбой по кости рукоятки, а остальное просто превращает нож в сувенир, а это уже совсем другое. В этом тоже бывают свои произведения искусства, но я до них пока не дорос.

Я считаю, что для того, чтобы делать что-то очень хорошо, я не говорю идеально, надо даже иногда поменяться местами, самому пережить то, что тот же нож переживает, вот тогда что-то может получиться. И захотеть надо. Не ради денег или элитного заказа. Да хоть даже если бабке кастрюлю заклепать надо – сделай ты это как следует. Так же и с ножами. Все-таки есть в этом какая-то мистика.

– Как вы относитесь к своим ножам? Может, как к детям?

– Ничего себе детки... да они уже кровушки на охотах столько попили... какие уж там детки. Скорее, я к ним отношусь как к друзьям. Наверное.

Секреты мастерства? Даже не знаю. Наверно, желание сделать хорошую вещь и старое железо. Беру демидовское – стяжки со старых тульских домов, да и с раскопок время от времени подкидывают находки. Его пару раз провариваю, добавляю обыкновенную углеродку, инструменталку, иногда чугун. Подолблю на молоте в порошок и добавляю, чтобы лезвие надежным было. Сколько уже охотники моими ножами пользуются, и никто не жалуется. А дамаск делаю в основном дикий, как басовский, – он самый прочный. Басовский дамаск растет от корешка до макушки, как дерево, и не рвется. А всякие там перекрутки, надрезы только нарушают структуру металла.

Вот в принципе и все секреты. Хотите увидеть, как рождается нож? Тогда смотрите...

Продолжение в одном из следующих номеров

Вариант русского боевого ножа